

Лит. Ресурсы 1984, № 30, 20 стр.

ПРЕДСТАВЬТЕ себе, что к вам в гости приезжает ваш старый друг, институтский товарищ. Всего на один час — от самолета до самолета, а не виделись вы с ним уже целую вечность. Вы живете в одном месте, скучно и однообразно, нигде не бываете и к себе редко кого-нибудь зовете. А ваш друг «высоко взлетел» — крупный ученый, часто ездит по белу свету, многое видит, так что вы ему даже немного завидуете и считаете себя неудачником. Вам кажется, что ваш товарищ владеет каким-то особым, не известным вам секретом — «секретом везучести», и вам ужасно хочется испытать у него эту «тайну»...

Вот какой эпизод снимался недавно в одном из павильонов киностудии имени А. М. Горького. Написан он драматургом Александром Володиным, по сценарию которого

те. Чем же он привлек вас! И он, и будущая картина Герасимова!

— Вадим Антонович привлек меня своей неоднозначностью и необычностью. Было время — чего греха таить! — когда мы делили наших героев на сугубо положительных и отрицательных. В положительных не бывало и тени плохого, а в отрицательных — разумеется, никаких проблесков хорошего. Я говорю об этом сознательно упрощенно, потому что это уже само по себе примитивное распределение света и тени. Все много сложнее вокруг нас, да и в нас самих. Человек не однозначен! Каков мой герой? Положительный или отрицательный, плохой или хороший? Он — человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Он живой, и этим он дорог мне. Он умен и добр, честен и нелицемерен. Он недоволен самим собой. Но покажите мне того, кто в восторге от самого себя,

Иннокентий Михайлович, — мне хотелось решить этот образ едва ли не жанрово — ярко, выпукло, эксцентрично, — но режиссер предостерег меня: эксцентрика лежит внутри моего персонажа, а не во внешних проявлениях его в чем-то капризного характера.

Я впервые работаю с Сергеем Герасимовым и получаю от этого истинную радость. Надо сказать, что моя чрезмерная занятость не позволила мне сразу откликнуться на его доброе предложение. Только поэтому я долгое время отказывался от участия в фильме «Дочки-матери», но Сергей Аполлинариевич был упрям и настойчив и заявил мне однажды: «Завтра, дорогой мой, съемка». Теперь, когда фильм почти отснят, я испытываю к Герасимову чувство благодарности за его твердость и настойчивость: у меня необычная роль. Впервые мой персонаж — отец, глава семьи, у которого две взрослых дочери. Положение само по себе ново для меня, и эту новизну и все трудности мы решали вместе с такими замечательными партнерами, как Тамара Макарова и Сергей Герасимов.

Настоящего художника-творца сравнивать с каким-либо другим художником нельзя, да и нелепо. Каждый по-своему индивидуален, если речь идет о подлинном мастере, со своим почерком, манерой и лицом. Режиссерские индивидуальности подвести под общий знаменатель — просто невозможно. Но если говорить об атмосфере съемок, режиссерской доброте и доброжелательности, то Сергея Аполлинариевича, пожалуй, можно было бы сравнить лишь с Михаилом Ильичем Роммом, с этим удивительным человеком и большим художником.

Маленькие струйки, маленькие ручейки — шумят, а большая река, глубокая, полноводная, разливающаяся широко и приливоно, — течет тихо, без особого шума. У нее свое направление, своя цель — она знает, куда стремиться, ее не собьешь с пути. Герасимов — такая река. Удивительный покой, сосредоточенность и целеустремленность. Бывают иной раз моменты, которые, казалось бы, должны были бы вывести его из равновесия. Нет, ничуть не бывало! Я ни разу не видел, чтобы он позволил себе косо посмотреть на актера. Это можно объяснить не только опытом и выдержкой, но и пониманием актера, любовью к нему. Это говорит о таланте, о добрых чертах характера.

И в заключение хотелось бы сказать несколько слов о молодежи, которая снимается в нашей картине. Это все виковцы, студенты 2-го курса объединенной актерско-режиссерской мастерской, руководимой Сергеем Герасимовым и Тамарой Макаровой. С ними хорошо. Впервые как бы самого себя видишь в период становления. Я вообще люблю молодежь: рабочую, сельскую, художественную — всякую. Люблю и уважаю. В ней я вижу то, чего, к сожалению, не находил у себя в этом возрасте. Хочется верить, что она не повторит наших ошибок. В ней — наше достоинство и достоинство, наша гордость и наше будущее.

Беседу вела
Ирина ГАНЕЛИНА

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

Иннокентий СМОКТУНОВСКИЙ: ЧЕЛОВЕК НЕ ОДНОЗНАЧЕН...

С. ГЕРАСИМОВ и И. СМОКТУНОВСКИЙ на съемках фильма «Дочки-матери».

«Дочки-матери» заканчивает съемки фильма кинорежиссер Сергей Герасимов. В роли хозяйки дома, математика Вадима Антоновича Васильева, мы увидим Иннокентия Смоктуновского. Его жену, Елену Алексеевну, руководительницу балетной студии Дома культуры, играет Тамара Макарова, а его друга — Петра Воробьева — Сергей Герасимов, который участвует в своей картине и как актер.

Хозяин дома нездоров — болит горло, настроение миорное... Он лежит в пижаме на своем кожаном диванчике с книгой в руках, лежит и киснет в меланхолии. Вдруг раздается звонок, и в эту скучную обитель, как гром среди ясного неба, врывается веселый и энергичный, никогда не унывающий Петр Воробьев. Он всем задает работу. А пока на кухне готовится праздничный обед, друзья, уединившись в кабинете, разговаривают по душам, тихо и откровенно. «Поверишь, — жалуется хозяин, — перестал понимать: как жить?» «Нельзя делать профессию из несостоявшейся жизни, — советует товарищ. — Не занимайся самообразованием».

Иннокентий Смоктуновский только что репетировал эту сцену. Настала пауза, без которой не обходится ни одна съемка, и я воспользовалась ею:

— Иннокентий Михайлович, вы репетировали сейчас с таким подъемом, что мне показалось: вы своего героя люби-

и я не убежден, что он будет мне интересен как личность и мне захочется исследовать его характер с помощью кинематографа или сцены, у которых для этого такие прекрасные возможности. Мой герой мне симпатичен, хотя у него и нелегкий нрав. Но его постоянная нервозность, неуравновешенность, быстрая смена настроений, приступы меланхолии — все это от недовольства самим собой. Он живет у меня не от 9 утра до 6 вечера, а живет круглые сутки, и это для меня крайне важно. Он мне как друг, о котором я все знаю, который от меня ничего не хочет скрывать и с которым мне никогда не скучно. Он — мой!

— Вначале, — продолжает